

АЗІАТСКІЙ СБОРНИКЪ

Изъ Извѣстій Россійской Академіи Наукъ

Новая серія

1918

MÉLANGES ASIATIQUES

tirés

du Bulletin de l'Académie des Sciences de Russie

Nouvelle Série

ПЕТРОГРАДЪ

PETROGRAD

Къ вопросу о реорганизаціи Лазаревскаго Института Восточныхъ языковъ.

Жизнь не терпитъ, и выдвигаемый въ числѣ прочихъ весьма сложный вопросъ о реформѣ одного изъ имѣющихъ крупныя государственныя, общественныя и научныя заслуги очаговъ востоковѣдѣнія побуждаетъ меня предложить вниманію интересующихся настоящую записку. Она недоработана въ подробностяхъ, возникла какъ будто случайно, но представляетъ попытку освѣщенія вопроса, основанную на давно занимающихъ меня, по силѣ моихъ пониманій, интересахъ нашего востоковѣдѣнія. Записка была составлена еще при Временномъ Правительствѣ, но съ независимостью мысли научно установленная правда не перестаетъ быть правдой, требующей признанія, и жизненная потребность не перестаетъ быть потребностью, которую нужно удовлетворить.

Согласно постановленію Комиссіи по реформѣ высшихъ учебныхъ заведеній отъ 7 сентября я образовалъ Подкомиссію «для обсужденія вопроса объ измѣненіи устава Лазаревскаго Института Восточныхъ языковъ въ Москвѣ въ части, касающейся его Специальныхъ Классовъ, и о возможности преобразованія ихъ въ восточный факультетъ Московскаго университета».

Тогда же въ составъ Подкомиссіи были избраны: академикъ С. Θ. Ольденбургъ, профессоръ Д. Д. Гриммъ и профессоръ М. Я. Пергаментъ съ предоставленіемъ мнѣ пополнить составъ другими свѣдущими лицами.

1 октября состоялось засѣданіе Подкомиссіи. Присутствовали: академикъ В. В. Бартольдъ, профессоръ Д. Д. Гриммъ, И. Х. Завріевъ (представитель армянскаго Общественаго Комитета Петрограда и Москвы), академикъ С. Θ. Ольденбургъ, доцентъ І. А. Орбели (арменистъ), академикъ Я. И. Смирновъ (историкъ искусства) и профессоръ А. Э. Шмидтъ (арабистъ).

Были доложены мною матеріалы по дѣлу и сдѣланы предложенія въ согласіи съ положеніемъ Лазаревскаго Института, исторически освѣщеннымъ. После обмена мѣтній Подкомиссія постановила признать необходимымъ не отдѣлять Специальныхъ Классовъ Восточныхъ языковъ, присоединиться къ моимъ предложеніямъ въ принципѣ, а для выработки подробностей просить Комиссію назначить новую Подкомиссію въ опредѣленномъ составѣ. Дѣло, значитъ, было не рѣшенное. Докладъ пришлось повторить и даже развить для Комиссіи обстоятельнѣе, чтобы оправдать принятія Подкомиссіею постановленія.

Прежде всего надо знать наличное положеніе Института по послѣднему тогда постановленію Временнаго Правительства отъ 30 іюня 1917 года (1084). Съ того времени положеніе по существу не измѣнилось. Постановленіе гласитъ:

1. «Утвердить прилагаемыя правила о Попечителѣ и Общественномъ Комитетѣ для завѣдыванія и управленія Лазаревскимъ Институтомъ Восточныхъ языковъ въ Москвѣ.

2. «Временно, впредь до пересмотра устава о названномъ (отд. I) Институтѣ, предоставить упомянутому Общественному Комитету избирать директора и инспектора Института, съ соблюденіемъ правилъ, изложенныхъ въ статьѣ 972 Свода Уставовъ Ученыхъ Учрежденій и Учебныхъ Заведеній (Св. Зак., т. XI, ч. I, изд. 1893 г. и по Прод. 1913 г.), и представлять черезъ попечителя Института избранныхъ лицъ Министру Народнаго Просвѣщенія, для утвержденія ихъ въ установленномъ порядкѣ».

Статья 972 устава о Лазаревскомъ Институтѣ гласитъ:

«Въ должность Директора и Инспектора Лазаревского Института избираются преимущественно лица, пріобрѣтшія ученую степень въ одномъ изъ высшихъ учебныхъ заведеній Имперіи; сверхъ того, по крайней мѣрѣ, одинъ изъ нихъ долженъ владѣть знаніемъ армянскаго языка».

Общественный Комитетъ по правилу 3-му состоитъ изъ лицъ, избираемыхъ на три года въ равномъ числѣ (по пяти) армянскими обществами Петрограда и Москвы.

Особой статьи о Специальныхъ Классахъ въ этихъ правилахъ какъ будто нѣтъ, нѣтъ отдѣльнаго указація объ отношеніи къ нимъ Общественнаго Комитета, но 4-мъ правиломъ «на Попечителя и Общественный Комитетъ, дѣйствующіе совмѣстно», возлагается между прочимъ «высшій надзоръ за управленіемъ учебной» частью, слѣдовательно, и надъ обученіемъ въ Специальныхъ Классахъ. И наконецъ, вѣдѣнію Попечителя и Общественнаго Комитета подлежитъ и «разсмотрѣніе предложеній объ измѣненіи и дополненіи устава Института».

Это правило можетъ получить довольно широкое толкованіе, если имѣть въ виду, что 4-мъ правиломъ на «Попечителя и Общественный Комитетъ, дѣйствующіе совмѣстно», возлагается также «главное наблюденіе за исполненіемъ устава Института, осуществленіе цѣли послѣдняго, согласно завѣтамъ основателей, какъ расадника просвѣщенія армянскаго народа».

Лѣтомъ былъ освобожденъ отъ должности директора Института профессоръ П. В. Гидуляновъ.

9 сентября Министерство получило телеграмму отъ студентовъ Специальныхъ Классовъ о признаніи автономныхъ правъ Специальныхъ Классовъ Института.

Касательно автономіи Специальныхъ Классовъ Лазаревского Института Восточныхъ языковъ имѣется записка еще отъ 14 апрѣля одного изъ дѣятельнѣйшихъ профессоровъ Института А. Е. Крымскаго.

Остановиваться на разборѣ этого документа нѣтъ сейчасъ надобности. О состояніи Специальныхъ Классовъ можно судить по тому, что ни у одного профессора востоковѣднія, опредѣляющаго назначеніе Специальныхъ Классовъ, нѣтъ ученой

степени. Болѣ того: мнѣ извѣстно, что именно со временемъ директорства П. В. Гидулянова совпало отстраненіе кандидата съ дѣйствительно научной подготовкой и ученой степенію на вакантное мѣсто преподавателя Института.

Въ запискѣ А. Е. Крымскаго поставленъ вопросъ объ отдѣленіи Специальныхъ Классовъ отъ Института или для перенесенія ихъ въ Московскій университетъ въ видѣ восточнаго факультета, что было бы, по мнѣнію автора записки, «самымъ достойнымъ и самымъ научнымъ выходомъ», или для преобразованія ихъ въ самостоятельный «Институтъ Восточныхъ языковъ».

Мысль о внесеніи восточновѣдныхъ кафедръ въ историко-филологическій факультетъ Московскаго университета возникла не разъ. Еще въ 1829-мъ году Иванъ Лазаревъ возбудилъ ходатайство объ учрежденіи кафедры армянскаго языка и армянской словесности въ Московскомъ университетѣ; министръ князь Ливень отказалъ удовлетворить на томъ основаніи, что Министерство предположило уже основать въ Петербургѣ «большое отдѣленіе, объемлющее всѣ восточные языки»¹.

Но вопросъ объ отдѣленіи Специальныхъ Классовъ отъ гимназій не такъ простъ. Вклады армянъ въ Институтъ недѣлимы. Трудно, а иногда вовсе нельзя разграничить то, что жертвовалось гимназій и что Специальнымъ Классамъ. Да и вклады на ученые изданія Института завѣщателями дѣлались при мысли, что Институтъ недѣлимъ. Но я не останавливаюсь на матеріальной сторонѣ.

Слѣдуетъ указать лишь одно: большіе матеріальные вклады армянъ со стороны государства уравнивались предоставленіемъ Институту громадныхъ правъ, не мало содѣйствовавшихъ развитію этого своеобразнаго учрежденія². Конечно, государство вносило и матеріальную свою лепту штатными ли суммами на преподаваніе или учрежденіемъ стипендій и т. п., но насъ сейчасъ интересуетъ идейная сторона всего предпріятія. Она, повидному, ускользаетъ отъ многихъ.

Полная нынѣ раздѣльность учебнаго дѣла гимназій отъ занятій въ Специальныхъ Классахъ, отсутствіе соприкосновенія между преподавательскимъ персоналомъ средняго учебнаго заведенія и созданныхъ для его завершения Специальныхъ Классовъ можетъ свидѣтельствовать лишь объ уtratѣ руководителями судебъ Института смысла его существованія. Нѣкоторое затемнѣніе смысла существованія Института восходитъ ко времени Толстого, когда, въ 1872-мъ году, въ уставъ Лазаревскаго Института внесена была статья (951-я), опредѣляющая именно такъ, т. е. раздѣльно, назначеніе каждой изъ частей Института:

«Гимназическіе классы имѣютъ цѣлью доставлять воспитывающемуся въ нихъ юношеству общее образованіе и вмѣстѣ съ тѣмъ служить приготовительнымъ заведе-

¹ 1815—1890. *Семидесятитысячтіе Лазаревскаго Института Восточныхъ языковъ*. Москва 1891, стр. 139.

² Въ 1837-мъ году Лазаревскому Институту дарованы «нѣкоторыя права и преимущества казенныхъ и частныхъ учебныхъ заведеній 1-го разряда» (ц. с., стр. 10, § 8. Еще стр. 11, § 9). Черезъ 10 лѣтъ, 10 мая 1848 г., Лазаревскому Институту дарованы «Уставъ и штаты со всѣми правами и преимуществами 1-го разряда учебныхъ заведеній въ сравненіи съ другими Лицеями и Институтами» (ц. с., стр. 12, § 13).

шіемъ для поступленія въ университетъ и высшія спеціальныя училища; спеціальныя же классы имѣютъ цѣлью изученіе восточныхъ языковъ».

При незнакомствѣ съ дѣломъ можно подумать, что гимназическіе классы не имѣли прямого отношенія ни къ одной изъ отраслей востоковѣднія, изучавшихся въ Спеціальныхъ Классахъ, можно соотвѣтственно утверждать, что гимназическіе и Спеціальныя Классы не обслуживали совмѣстно въ особой степени не только общеобразовательныхъ, но и спеціальныхъ востоковѣдныхъ интересовъ армянъ. Авторъ устава это могъ сказать лишь съ явнымъ рискомъ пойти въ разрѣзъ не только съ цѣлями Института и фактическимъ положеніемъ преподаванія въ немъ, но и съ рядомъ статей, изложенныхъ въ имъ же составленномъ уставѣ. Такъ по статьѣ, уже приводившейся мною (972-й = Толст. § 22), и директоръ и инспекторъ общій у гимназій со Спеціальными Классами и «по крайней мѣрѣ одинъ изъ нихъ долженъ владѣть знаніемъ армянскаго языка».

Только на почвѣ полной утраты смысла существованія Института и могла возникнуть мысль ввести въ предметы преподаванія сартскій языкъ въ ущербъ основнымъ востоковѣднымъ предметамъ Лазаревскаго Института, что произошло при послѣднемъ директорѣ профессорѣ П. В. Гидуляновѣ.

Задачей Института было на самомъ дѣлѣ дать цѣльное востоковѣдное образованіе по живымъ и національнымъ литературнымъ языкамъ Кавказа и связаннымъ съ ними культурнымъ языкамъ Мусульманскаго Востока — арабскому, персидскому и турецкимъ. Естественно въ гимназій Института, преслѣдовавшей свои общеобразовательныя задачи, надлежало — и это дѣлалось — давать опредѣленную подготовку по востоковѣднымъ предметамъ. Въ отношеніи армянскаго это сохранилось въ гимназій по сей день, правда нынѣ лишь для армянъ. Не было возможности забыть — и для желавшихъ сдѣлать это, — что учебное заведеніе создано было и поддерживалось въ общемъ для просвѣтительныхъ нуждъ армянскаго народа, для изученія странъ и живыхъ народовъ, прежде всего кавказцевъ, т. е. той культурной среды, въ которой сосредоточены или разсѣяны армяне какъ въ родной стѣнѣ. Гимназія Лазаревскаго Института призвана и въ дальнѣйшемъ давать извѣстную ориенталистическую подготовку, надо думать, болѣе правильно поставленную, и потому Институтъ не можетъ лишиться столь важной для такой постановки своей части, какъ Спеціальныя Классы Восточныхъ языковъ. Разумѣется, нѣтъ никакой надобности насильственно заставлять всѣхъ питомцевъ Лазаревской гимназій поступать въ Спеціальныя Классы Института, но для поступленія въ эти Спеціальныя или Лицейскіе Классы питомцы Лазаревской гимназій должны бы имѣть преимущество лучшей подготовки. При такой подготовкѣ можно бы признать достаточной и трехгодичность полного курса спеціальной высшей школы Института. И этого можно бы достигнуть безъ особаго труда.

Конечно, нѣтъ ничего легче, какъ разрубить узелъ, фактически сведенный почти къ нулю и включающій въ себѣ духовную связь, которой какъ будто чужды наиболѣе живые, наиболѣе видные представители преподавательскихъ силъ.

Но не много ли я без того принесено жертвъ въ Россіи отставванію единообразія во всемъ, чтобы такъ легко сводить счеты съ исторически возникшими культурными учреждениями, своеобразными типами учебныхъ заведеній во имя унитаризма формъ. Въ Россіи, столь бѣдной исторически сложившимися гнѣздами культуры, Лазаревскій Институтъ представляетъ самъ по себѣ рѣдкую цѣнность.

Не знаю, какъ отнеслась бы къ упраздненію Лазаревскаго Института Восточныхъ языковъ, какъ такового, Москва, имѣющая совершенно особое любовное отношеніе къ своимъ ученымъ и учено-учебнымъ учреждениямъ, тѣмъ болѣе къ столь своеобразному, какъ то, которое насъ занимаетъ, но для армянскаго народа Московскій Лазаревскій Институтъ Восточныхъ языковъ въ Россіи столь же важное, если не болѣе, учрежденіе, сколь въ Европѣ Венеціанское армянское ученое братство мыхитаристовъ.

И нынѣ, какъ въ самую блестящую эпоху его жизни, Лазаревскій Институтъ въ высшей степени свѣтлая притягательная точка для громадной части армянскаго народа. Такихъ помѣщенныхъ на чужбинѣ свѣтлыхъ культурныхъ точекъ въ сознаніи другихъ извѣстныхъ мнѣ восточныхъ народовъ я не знаю.

Учрежденіе это, конечно, много терпѣло отъ домогательствъ различныхъ вѣдомствъ, въ частности и отъ Министерства Народнаго Просвѣщенія. Было время, когда попечители Института старались спасти его въ лошѣ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ для огражденія лежащей въ немъ идеи отъ полнаго искаженія, намѣчавшагося тормозившимъ его нормальный успѣхъ роднымъ Министерствомъ.

Въ Лазаревскомъ Институтѣ на лицо посадки совмѣстной культурной работы армянъ съ русскими или усилій ихъ организовать совмѣстную работу, — посадки, приносящія свой добротный плодъ, несмотря на чинившіяся затрудненія всякаго рода. Нынѣ въ порядкѣ вещей національно размежевываются другъ съ другомъ. Въ этомъ видятъ большинство народовъ Россіи залогъ и свободы, и прогресса, но для народа, строителя государства, этотъ путь едва ли подходящий. Чтобы посягнуть на это своеобразное учрежденіе въ смыслѣ его раздѣленія, надо не имѣть вовсе представленія не только объ исторической, но и о реальной его важности.

Тотъ довольно обычный типъ спеціальнаго учебнаго заведенія, средняя школа съ надстройкой высшей, какое имѣемъ въ Лазаревскомъ Институтѣ Восточныхъ языковъ съ его гимназійю, представляетъ собой нѣчто совершенно исключительное на всей территоріи Россійскаго государства.

Можно бы думать, что Лазаревскій Институтъ по роду своему является параллелью Петроградскихъ нѣмецкихъ школъ, какъ *Annenschule*, *Peterschule* и т. п., но, независимо отъ отсутствія въ послѣднихъ высшей школы, разница между ними коренная.

Первая его особенность въ томъ, что національной стороною въ нашемъ вопросѣ является восточный народъ. Затѣмъ, какъ ни скромно на вѣсахъ міровой жизни значеніе этого маленькаго народа въ послѣднія столѣтія, какъ ни мало замѣтно было оно особенно въ ту эпоху, когда основывался Институтъ, но нельзя было

отказать и тогда въ важности не только международному вопросу о немъ, но и ему самому. Въ появленіи занимающаго насъ учрежденія мы имѣемъ свидѣтельство союза учтившагося мусульманскими державами, Персією и Турцією, или только-что успѣвашаго частично выйти изъ этого угнетенія христіанскаго народа съ могущественнымъ христіанскимъ государствомъ.

Мысль объ основаніи въ Россіи особаго заведенія въ семьѣ Лазаревыхъ возникла еще въ 1791 г.: первый проектъ, дошедшій до насъ, — съ датой 7 апрѣля 1799¹. Слѣдовательно, дѣло идейно возникало въ условіяхъ нахождения армянскаго народа за предѣлами русскаго государства, даже до доброзольнаго присоединенія Грузіи къ Россіи.

Основаніе учебнаго заведенія имѣть видимость личнаго дѣла: оно — созданіе графа Екима Лазарева, но это былъ обычный тогда путь самопроявленія армянскаго народа — работать черезъ власть имѣвшихъ и заслуженныхъ сородичей, выходцевъ. Активное участіе католикоса всѣхъ армянъ въ этомъ предпріятіи съ момента возникновенія лучше всего опредѣляетъ его со стороны армянъ какъ большое ихъ національное дѣло². Однако и съ другой стороны, со стороны государства, нельзя разсматривать это предпріятіе въ перспективѣ личныхъ отношеній къ заслуженному сановнику. Хорошія личныя отношенія облегчили оборудованіе всего дѣла, но почва, на которой можно было его обосновать, ясна лишь въ перспективѣ исторіи русско-армянскихъ отношеній, отношеній русскаго государства, тогда Имперіи, и армянскаго народа. На этой почвѣ возникли другія русско-армянскія или — точнѣе — одновременно государственно-русскія и армянско-національныя учрежденія. Иногда въ этотъ сложный видъ институтовъ преобразались древнія, предревнія армянскія чисто національныя учрежденія, и преобразались совершенно безболѣзненно, по обоюдному согласію для вящей пользы обѣихъ сторонъ. Достаточно сослаться на преобразование армянскаго католикосата (1836). Русское государство, отвѣдая въ своемъ строѣ высокое мѣсто католикосу, тѣмъ самымъ органически связало съ собою духовнаго главу цѣлаго народа, въ жизненномъ воспріятіи отнюдь не подданнаго его, и въ то же время оно взяло на себя обязательство поддерживать католикоса всей мощью своего державнаго вліянія какъ католикоса всѣхъ армянъ. Это было одно изъ реальныхъ проявленій фактическаго союза могущественной державы съ латентной силой пробуждавшагося и тянувшагося къ свѣту и свободѣ народа. Надо вспомнить, что въ то время, хотя уже послѣ присоединенія Грузіи, армяне и территоріально-то входили лишь небольшимъ отрѣзкомъ въ составъ русскаго государства, а національно,

¹ Проф. П. Гидуляновъ, Матеріалы для исторіи Лазаревскаго Института Восточныхъ языковъ, издаваемые иждивеніемъ г. Почетнаго Попечителя Князя Семена Семеновича Абамякъ-Лазарева. Выпускъ первый. *Историческій обзоръ Лазаревскаго Института Восточныхъ языковъ*, составленный по указанію и подъ руководствомъ ихъ Превосходительства гг. Лазаревыхъ, Москва 1914, стр. XIV—XV.

² Въ болѣе обстоятельномъ изложеніи исторіи возникновенія Лазаревскаго Института слѣдовало бы впрочемъ упомянуть, что идея объ этой школѣ не вызвала довѣрія въ армянской церкви, въ ея главѣ. Была боязнь извращенія армянскаго національнаго, какъ тогда понималось, церковно-національнаго воспитанія.

т. е. какъ живая народная сила, почти цѣликомъ оставалась за предѣлами Россіи. На отрѣзкѣ съ Эриванью одинъ Эчмиадзинъ представлялъ оазисъ съ немногими такими же разсѣянными оазисами армянскаго населенія. Въ Эчмиадзинѣ былъ глава народа, почти всей своей массой расположеннаго за рубежомъ, но всѣми своими помыслами обращеннаго къ Россіи, направленнаго волею историческихъ судьбъ къ тому, чтобы стать съ ней сотrudниками одного дѣла, а бы сказалъ союзниками, какъ бы ни различались по размѣрамъ роли.

Однимъ изъ плодотворныхъ проявленій такого союза является и основаніе нашего учебнаго заведенія, имѣвшаго обслуживать двусторонніе интересы.

И основано-то было оно послѣ вражескаго нашествія 1812 года, въ кварталѣ съ имуществами армянской церкви, пощаженомъ французами по ходатайству мамлюка Рустана изъ армянъ, любимаго приближеннаго Наполеона. Сами армяне-москвичи спасли эту часть древней столицы отъ пожара, когда «французы и другіе» съ внезапнымъ уходомъ французовъ стали поджигать дома этого квартала.

Даже тогда, когда наше учебное заведеніе, только-что основанное подъ наименованіемъ «Армянская Лазаревская гимназія», имѣло задачей давать первоначальное образованіе дѣтямъ армянъ, оно въ то же время являлось расадникомъ знанія, гдѣ сближалось и сроднялось юное поколѣніе армянъ съ русскими. Впослѣдствіи оно стало служить приобщенію и зарубежнихъ армянъ къ европейской культурѣ. При кругозорѣ того времени это понималось лишь какъ приобщеніе къ русской культурѣ и распространеніе черезъ нихъ русскаго вліянія въ зарубежномъ армянскомъ населеніи, въ Персіи и Турціи. Въ этомъ не могла не усматриваться значительная польза и для государства.

Постепенно учебное заведеніе стало готовить лицъ для службы внутри Россіи — на Кавказѣ.

Основатели учрежденія и ихъ преемники въ этомъ смыслѣ сознавали двустороннее значеніе учебнаго заведенія, національное армянское и государственное русское, какъ не упускали того же самаго изъ виду и представители высшей власти. Представители армянскаго общества въ своихъ заявленіяхъ на имя Министра Временнаго Правительства, насколько они были предоставлены въ мое распоряженіе, естественно, не брали на себя заботы объ этой также существенной чертѣ, красной нитью проходящей черезъ всю исторію учебнаго заведенія. Ихъ естественно интересовала роль армянъ и армянскихъ средствъ, вложенныхъ въ развитіе учрежденія, но слабо или никакъ—его назначеніе, опредѣлявшее своеобразный строй управленія, слагавшагося изъ армянскихъ національных и русскихъ государственныхъ элементовъ. Такъ, напр., главноначальствующіе изъ русскихъ, «сохраняя верховный надзоръ за учебнымъ заведеніемъ, служили» не только «посредниками и защитниками Института передъ правительственною властью» въ интересахъ армянскаго народа, но и гарантію соблюденія государственныхъ интересовъ, связанныхъ съ учебнымъ заведеніемъ.

Въ свою очередь и авторитетные или властные представители армянскаго народа сами указывали на государственное значеніе Института, на то, что въ немъ

въ отличіе отъ прочихъ высшихъ училищъ преподаются восточные языки, что въ немъ юношество получаетъ образованіе «къ военной и гражданской службѣ, особенно для южнаго края Россіи, Грузіи и новопокоренныхъ областей»¹.

Здѣсь, какъ впрочемъ и раньше, совершенно ясно выступаетъ, что преподаваніе восточныхъ языковъ имѣетъ цѣлью обслуживать государственные интересы, такъ сказать, территоріальные Россіи, въ которыхъ сами собой подразумеваются интересы національные армянъ, они въ нихъ включены, ибо «южный край Россіи, Грузія и новопокоренныя области», понятно, Кавказа и въ направленіи Кавказа съ потребностями въ восточныхъ языкахъ это площадь распространенія армянскаго населенія, безразлично, коренные они, или старые или новые переселенцы, неразрывно связанныя съ турецкимъ или грузинскимъ населеніемъ, вкрапленные или вкрапываемые среди нихъ. Надо имѣть въ виду, что это 1828-й годъ.

Задачи оставались все тѣ же, но съ теченіемъ времени лишь расширялись онѣ или мѣнялся способъ ихъ достиженія.

Двадцать лѣтъ спустя по основаніи учебное заведеніе переименовывается въ Армянскій Лазаревскій Институтъ Восточныхъ языковъ². Въ его реорганизациіи участіе принималъ ориенталистъ академикъ Френъ. Съ этого времени, съ 1828-го года, преслѣдуются три цѣли — 1) служить двигателемъ просвѣщенія армянъ, 2) быть разсадникомъ восточнаго языкознанія, 3) сдѣлаться школою общеобразовательной для всѣхъ безъ различія національностей и вѣроисповѣданій.

Но нельзя забывать и весьма показательныя для той эпохи слова попечителя Института Ивана Екимовича Лазарева, опредѣляющія «всегдашнюю цѣль» нашего учрежденія. Въ письмѣ къ предѣдтелю Кавказскаго Комитета А. И. Чернышеву о торжественномъ актѣ въ Институтѣ по случаю утвержденія его устава 1848 г. 10 мая армянинъ И. Е. Лазаревъ пишетъ:

«Вашему Сіятельству Закавказскій край во многомъ обязанъ распространеніемъ гражданственности и общественнаго благоденствія, а Институтъ сей содѣйствіемъ въ правдивномъ его возрожденіи и дарованіи средствъ вполне достигнуть его *всегдашней цѣли* — установить тѣсное духовное и политическое соединеніе обитателей Кавказа съ прочими странами Россіи», при чемъ авторъ письма далѣе называетъ Институтъ «разсадникомъ наукъ». Слѣдовательно, средства для достиженія указанной всегдашней цѣли Иванъ Лазаревъ видѣлъ въ наукахъ³.

Года черезъ полтора, 23 января 1850 года, появились дополненія устава, въ силу коихъ «открыты высшіе спеціальныя Лицейскіе классы VI, VII и VIII, съ полнымъ курсомъ»⁴. Уставъ былъ рассмотрѣнъ Кавказскимъ Комитетомъ.

Около 1848 г. правительствомъ даны средства на пансіонеровъ и воспитан-

¹ Католикосъ Іоаннесь, 15 янв. 1828, см. *Семидесятилѣтніе Лазаревскаго Института*, стр. 136.

² П. Гидуляновъ, Матеріалы, ц. с. стр. 9.

³ Ц. с., стр. 166.

⁴ П. Гидуляновъ, ц. с., стр. 16, § 18. Уставъ утвержденъ 21 дек. 1849 г.

никовъ, въ общемъ числомъ 24, «изъ Кавказскихъ и Закавказскихъ уроженцевъ различныхъ Азіатскихъ племенъ»¹.

Попутно не мѣшаетъ подчеркнуть, что этимъ актомъ намѣчалось расширеніе плодотворной дѣятельности Лазаревского Института въ сторону уврачеванія еще одной мѣстной язвы. Она глубоко лежала въ самихъ краевыхъ условіяхъ кавказской общественности, исторически осложнялась и временами искусственно растравлялась на мѣстѣ властью. Это религиозное и національное расхожденіе, реально-исторически объясняемое атавизмомъ, возвратомъ, въ новыхъ формахъ, къ сущности первобытнаго соціального мышленія различныхъ этническихъ группъ населенія. Это въ текущей реальности взаимная рознь, неизбежно вытекающая изъ животно воспринимаемыхъ той или иной общественной группой населенія, хотя бы и отживающей, квази-народныхъ матеріальныхъ интересовъ. Это сознательное или безсознательное культивированіе того же соціального недуга въ школѣ, когда она построена или на безжизненныхъ матеріально и въ связи съ тѣмъ народно-психологически чуждыхъ отвлеченныхъ началахъ, или на эгонистически-національныхъ основаніяхъ. Чѣмъ больше достигается успѣховъ въ такой школѣ, тѣмъ болѣе углубляется какъ незнаніе вообще Кавказа, такъ въ частности взаимное непониманіе населяющихъ его народовъ, тѣмъ болѣе упрочивается общественно мѣстная международная вражда.

Но продолжались и со стороны благотворителей изъ армянской націи вклады въ Институтъ на національныя его армянскія задачи, такъ:

1) 18 января 1849 г. Тифлесскій гражданинъ Иванъ Мнацакановъ внесъ «въ Московскій Опекунскій Совѣтъ капиталъ въ 15000 руб. серебромъ, по ассигнаціи 52500 руб., для воспитанія изъ процентовъ двухъ мальчиковъ изъ бѣдныхъ армянъ Закавказскаго края въ Московскомъ Лазаревскомъ Институтѣ Восточныхъ языковъ»².

Когда съ новымъ уставомъ создавался «Лицей» восточныхъ языковъ, инициатива была Кавказскаго Комитета, задачей являлась подготовка чиновниковъ для администраціи, главнымъ образомъ переводчиковъ. Организация была установлена по мысли и предположеніямъ представителей русскаго государственнаго управленія.

Въ 1871 году происходитъ коренное преобразованіе въ дальнѣйшемъ развитіи той идеи, которая положена въ основѣ учебнаго заведенія и не переставала до недавнихъ дней, совпавшихъ съ временемъ директорства проф. П. В. Гидулянова, служить одухотворяющимъ учрежденіе началомъ: съ устраненіемъ ея изсякалъ смыслъ существованія своеобразнаго учебнаго заведенія.

Преобразованіе касается лишь Спеціальныхъ или Лицейскихъ Классовъ. Гимназическій курсъ признавъ правильно устроеннымъ. Цѣль реформы — «установить

¹ Ц. с., стр. 14, § 15. Высочайшія повелѣнія и особлыя положенія о Кавказскомъ краѣ устанавливають еще къ тому времени воспитаніе 4-хъ полныхъ пансионеровъ и 20 питомцевъ изъ Кавказскихъ и Закавказскихъ уроженцевъ различныхъ Азіатскихъ племенъ.

² Ц. с., стр. 15, § 17. Вкладовъ спеціально на гимназическую часть, тѣмъ болѣе на отдѣленіе малолѣтнихъ армянъ, я не касаюсь.

правильное преподаваніе восточныхъ языковъ для тѣхъ изъ окончившихъ гимназическій курсъ, которые пожелаютъ имъ обучаться».

Эта реформа обязана своимъ осуществленіемъ графу Д. А. Толстому, по мысль о реформѣ вызвана желаніемъ самихъ армянъ — «въ видахъ привлеченія къ намъ для воспитанія дѣтей вліятельныхъ турецкихъ армянъ и сближенія съ русской средою» — учредить въ Одессѣ, при одной изъ тамошнихъ гимназій, училище или пансіонъ для армянъ съ параллельными низшими классами, гдѣ армянскія дѣти воспитывались бы совмѣстно съ русскими, но съ тѣмъ, чтобы для армянъ введено было преподаваніе нѣкоторыхъ предметовъ на армянскомъ языкѣ». На этихъ основаніяхъ въ Министерствѣ Народнаго Просвѣщенія былъ уже разработанъ проектъ объ устройствѣ, учебномъ планѣ и штатѣ армянскаго пансіона при Ришельевской гимназіи, но Д. А. Толстой нашель, что Одесса не даетъ той русской среды, объ общеніи съ которой желательно было пещись армянамъ, Москва болѣе подходитъ для этой задачи, а главное, въ Москвѣ было учрежденіе, на которое можно было возложить эти задачи, да онѣ и были возложены, но надо было лишь усилить въ Лазаревскомъ Институтѣ научность.

Любопытны детали реформы Толстого по упорядоченію преподаванія въ Спеціальныхъ Классахъ¹.

Въ связи съ реформой тогда-то были назначены особыя средства изъ государственнаго казначейства въ размѣрѣ 18365 руб. 90 коп. и перенесены изъ Московскаго университета въ Лазаревскій Институтъ 1500 руб. на содержаніе 5 студентовъ.

Обыкновенно моментомъ отпуска, при Толстовской реформѣ и созданіи Спеціальныхъ Классовъ, суммы въ 18365 руб. 90 коп. изъ государственнаго казначейства и датируются хозяйственныя права государственной власти въ отношеніи Лазаревскаго Института и даже право ея на участіе въ управленіи имъ, но такое пониманіе дѣла противорѣчиво бы всей конструкціи нашего учебнаго заведенія. Оно противорѣчиво бы прямымъ задачамъ его, а равно полѣ самихъ основателей и многихъ вкладчиковъ, представителей самого армянскаго народа.

Представители армянскаго народа прекрасно видѣли, что достиженіе въ русскомъ государствѣ національныхъ армянскихъ задачъ, преслѣдуемыхъ учебнымъ заведеніемъ, можетъ быть наиболѣе обезпечено, даже болѣе того — расширеніе самихъ этихъ задачъ можетъ быть достигнуто наиболѣе дѣйствительно, независимо отъ матеріальныхъ затратъ, при прямой заинтересованности въ учебномъ заведеніи государства, при выявленіи общности реальныхъ задачъ у армянъ и русскихъ въ томъ районѣ восточнаго міра, просвѣтительные или научные интересы котораго заведеніе во всей его полнотѣ и цѣлости и обслуживало. Расчетъ совершенно правильный, фактически оправданный.

Я иллюстрирую это именно положеніе дѣла на одномъ частномъ примѣрѣ: армянинъ, московской 3-й гильдіи купецъ Исай Касперянцъ свой вкладъ въ

¹ См. ниже, стр. 1485.

Институтъ мотивируетъ слѣдующими начальными строками письма къ графу Канкрину:

«Занимаясь нѣсколько лѣтъ торговлею съ Азіею и чувствуя, какую бы отъ нея пользу могла Россія получить, если бы она была произведена просвѣщенными купцами изъ моихъ соотечественниковъ, я рѣшился положить въ Московскій Опекунскій Совѣтъ» и т. д. «Завѣдываніе сею суммою» Исая Касперянцъ «осмѣливается просить возложить на Департаментъ Министерства Финансовъ и Внутренней торговли, дабы они могли быть употребляемы по Азіатской торговлѣ». Исая Касперянцъ особо обезпечиваетъ въ сочетаніи съ восточными языками изученіе «бухгалтеріи и коммерческихъ наукъ въ Коммерческомъ училищѣ въ Москвѣ»¹.

Пониманіе Исая Касперянца освѣщало одну сторону возможнаго практическаго использованія такого учрежденія, какъ Лазаревскій Институтъ Восточныхъ языковъ. Между тѣмъ русскіе государственные интересы, общіе съ интересами армянскаго народа въ Передней Азіи, и тогда были многосторонни.

Нынѣшняя война, какими бы жуткими переживаніями ни были отравлены для армянскаго народа ея лѣтописи, съ достаточной яркостью выявила глубокое заблужденіе тѣхъ, которые предполагали, что нѣтъ основанія дорожить старыми привязанностями. Мысль, лежащая въ нашемъ учрежденіи, и въ настоящее время не мертва, не изжита, а послѣ войны она можетъ оказаться особенно жизненной, особенно плодотворной.

Само собой понятно, что, во-первыхъ, практическія цѣли преподаванія въ составляющихъ предметъ нашего обсужденія Специальныхъ Классахъ Лазаревскаго Института Восточныхъ языковъ должны быть точно опредѣлены и обоснованы на научной базѣ; во-вторыхъ, научная база въ части, имѣющей прямое отношеніе и къ культурнымъ запросамъ нынѣшнихъ уже армянъ, и къ научно-культурнымъ интересамъ Россійскаго государства, должна быть поставлена на новыхъ началахъ, отвѣчающихъ современнымъ требованіямъ востоковѣднія.

Созданный для первоначальнаго образованія армянъ, Институтъ съ одной стороны росъ съ культурнымъ ростомъ армянскаго народа, иногда имѣлъ на этотъ ростъ исключительное вліяніе. Достаточно сказать, что Лазаревскій Институтъ сыгралъ въ 50-хъ годахъ огромную роль въ созданіи литературнаго языка русскихъ армянъ. Въмѣстѣ съ прогрессомъ росли и просвѣтительные запросы, съ которыми обращались армяне къ Институту, и въ немъ армяне привыкли и не склонны разстаться по сей день съ мыслью видѣть очагъ научнаго изученія ихъ роднаго языка, родной литературы и родной исторіи, какъ ни пала теоретическая разработка именно этой отрасли и постановка преподаванія по ней въ Институтѣ за послѣднія десятилѣтія.

Съ другой стороны, имѣющіеся въ печати матеріалы позволяютъ составить блестящій вкладъ Лазаревскаго Института живыми силами въ кругъ государствен-

¹ Семидесятитысячтіе Лазаревскаго Института, стр. 184.

ных дѣателей и ихъ техническихъ сотрудниковъ, по старой терминологіи — въ бюрократическій міръ. Но я останавливаюсь на востокоедномъ значеніи Института.

Государственные люди не могли не видѣть и раньше, что въ Институтѣ имѣются даныя для созданія въ немъ специальной школы восточныхъ языковъ.

Но теперь этого мало. Не посягая нисколько на культурные интересы армянъ, Специальные Классы можно и слѣдуетъ использовать для созданія дѣйствительно высшей школы восточныхъ языковъ въ Москвѣ.

Съ важнымъ и для армянъ національно-научнымъ изученіемъ языковъ Арменіи (ихъ не одинъ), ея литературы (древней, средневѣковой и новой), искусства (арханчаго, древняго, средневѣковаго), ея самобытной культуры (средневѣковой христіанской) и ея исторіи тѣсно связанъ рядъ другихъ востокоедныхъ наукъ, большинство коихъ и нынѣ представлено въ Специальныхъ Классахъ Института. И для насъ представляется удобный случай и въ высшей степени желательный получить въ Специальныхъ Классахъ расадики теоретическаго и практическаго научнаго востокоеднiя, посвященнаго Передней Азіи, — Институтъ и понинѣ живого Переднеазіатскаго Востока или восточныхъ языковъ Передней Азіи, нѣчто болѣе по замыслу, если удастся преобороть нѣкоторыя предрасудки и провести его въ жизнь, чѣмъ Переднеазіатское Отдѣленіе Семинарія Восточныхъ языковъ въ Берлинѣ, гдѣ ученая теоретическая часть восполняется съ помощью Университета.

Конечно, безъ связи съ университетомъ, въ данномъ случаѣ Московскимъ, и мы не можемъ обезпечить полноты и прочности научной базы преподаванія въ Институтѣ.

Объ использованіи университетскаго преподаванія въ цѣляхъ поднять научный уровень въ Институтѣ, расширить основу его учебной дѣятельности возникла мысль и раньше. Въ этомъ направленіи дѣлались даже практическіе шаги. Рѣчь не о персональномъ привлеченіи представителей профессуры Московскаго университета для чтенія особыхъ курсовъ въ Институтѣ, а о направленіи штотмцевъ Института въ университетъ для дополнительныхъ занятій въ немъ, для дѣйствительнаго приобщенія ихъ къ университетской научной атмосферѣ. Въ свое время Д. А. Толстой понималъ, что такое новшество можетъ стать жизненнымъ лишь въ томъ случаѣ, если въ немъ будетъ заинтересована и другая сторона, а не одинъ лишь Институтъ. Посему въ его предположеніяхъ поставленъ былъ вопросъ и о перераспределеніи занятій Лазаревскаго Института такимъ образомъ, чтобы студенты Московскаго университета безпрепятственно могли слушать въ Институтѣ.

Но, помимо многихъ другихъ особенностей преобразованія Д. А. Толстого, дѣлу въ этомъ смыслѣ мѣшало упрочиться то, что тогда забота была въ первую голову не о наукѣ и не объ университетскихъ интересахъ, а о подготовкѣ потребныхъ административныхъ дѣателей и въ лучшемъ случаѣ объ интересахъ студентовъ, предназначившихъ себя чиновничьей службѣ на Кавказѣ. Въ предпріятіи ничто не могло увлечь университетскіе круги ученыхъ. Безъ сочувственнаго отношенія къ дѣлу, безъ живаго интереса къ нему Московскаго университета и нынѣ ничего нельзя сдѣлать.

И вот одновременно съ реорганизацію Специальныхъ Классовъ Лазаревскаго Института Восточныхъ языковъ, въ связи съ нею необходимо восполнить пробѣлъ, давно ощущаемый въ Московскомъ университетѣ, — полное отсутствіе востоковѣднія. Въ Москвѣ съ ея дѣятельнѣйшимъ въ Россіи археологическимъ обществомъ, съ ея богатыми собраніями восточныхъ рукописей, съ ея коллекціею восточныхъ древностей, цѣлымъ музеемъ по древнему и христіанскому Египту, съ ея первыми по отзывчивости спеціалистами на изысканія въ области клинописныхъ памятниковъ на неразгаданныхъ языкахъ Передней Азіи, съ ея размахомъ научно-учебныхъ исканій въ областяхъ, близкихъ востоковѣднію, то порождающихъ такой типъ учебнаго заведенія, какъ хорошо извѣстный Археологическій Институтъ, то вытекающихъ въ грандіозный проектъ безъ достаточнаго количества подготовленныхъ лицъ, какъ извѣстный востоковѣдамъ проектъ Переднеазиатскаго общества, нѣмощствуетъ по культурному Востоку университетъ. Это неестественно. И естественно вспомнить про столь существенный пробѣлъ старѣйшаго русскаго университета, когда такъ недавно мы готовились создать цѣлый рядъ университетовъ на окраинахъ и когда сейчасъ у насъ жажда новотворчества ищетъ для своего утоленія все новой и новой пищи.

Чтобы надѣлать Москву необходимой ей школой научнаго оріентализма, достаточно скомбинировать въ опредѣленныхъ цѣляхъ преподаваніе по общимъ каедрамъ историко-филологическаго факультета Московскаго университета съ преподаваніемъ по востоковѣднымъ каедрамъ Лазаревскаго университета и учредить въ самомъ университетѣ на томъ же факультетѣ всего три или четыре новыхъ каедры, — каедры по языкамъ и культурѣ Древняго Востока, какъ то — египтологіи, ассирійскаго языка съ семитической филологіею и индійской филологіи. Это — та основная часть востоковѣднія, которая культурно-исторически освѣщаетъ страны древнѣйшихъ цивилизацій Передней Азіи съ Месопотаміею и Малой Азіею въ центрѣ и примыкающими къ нимъ Египтомъ и Индіею.

Историко-филологическія науки, посвященныя центральному району — Месопотаміи и Малой Азіи, обнимающія хронологически предшествующую половину одного міра съ Христіанскимъ Востокомъ и Мусульманскимъ Востокомъ, областями изученія высшей школы Лазаревскаго Института Восточныхъ языковъ, находятся или археологически, вообще культурно, или лингвистически въ тѣснѣйшей связи съ основнымъ, т. е. классическимъ Отдѣленіемъ историко-филологическаго факультета. Достаточно напомнить, что добрая часть этого древняго Востока и сейчасъ является предметомъ преподаванія на историко-филологическомъ факультетѣ подъ устарѣвшимъ названіемъ Классическаго Востока. Съ тѣмъ же Отдѣленіемъ такую же близкую археологически связь имѣетъ египтологія. И, наконецъ, индійская филологія своей языковой стороною, санскритомъ, и нынѣ представляетъ неустрашимую основу всего лингвистическаго образованія историко-филологическаго факультета, являя однако на немъ, въ нынѣшней постановкѣ преподаванія санскрита при каедрѣ сравнительной грамматики индоевропейскихъ языковъ, пережитокъ также устарѣшаго, почти архаическаго порядка вещей.

Безъ развитія востоковѣднія въ культурной обстановкѣ центральныхъ университетовъ нельзя себѣ представить также рациональнаго разрѣшенія ни такого частнаго вопроса, какъ подготовка въ будущемъ специалистовъ по исторіи религій, къ созданію кафедръ которой возникаетъ живѣйшій интересъ съ каждымъ дуновеніемъ свободной университетской жизни, ни такого общаго вопроса, какъ дальнѣйшее пополненіе кадровъ преподавательскихъ силъ въ нынѣ оскуемыхъ окраинныхъ или, допустимъ, въ сосѣднихъ государственныхъ университетахъ съ ихъ новымъ типомъ историко-филологическаго факультета¹.

Факультетъ Восточныхъ языковъ Петроградскаго университета только тогда сможетъ проявить себя въ полной мѣрѣ, когда онъ выйдетъ, наконецъ, изъ ненормальныхъ, иногда крайне тягостныхъ условій блестящаго одиночества.

Можно сейчасъ не касаться существенной потребности русскихъ духовныхъ академій, даже при продолжающей существовать организациі въ нихъ преподаванія, въ знатокахъ восточныхъ, хотя бы восточныхъ христіанскихъ языковъ и еврейскаго. Экзегеты библейскихъ текстовъ, не прошедшіе семитической филологіи, историки церкви, не имѣющіе возможности припасть ни къ одному источнику живого знанія на цѣломъ рядѣ восточныхъ христіанскихъ языковъ въ подлинникѣ, въ настоящее время настолько нетерпимое въ высшей школѣ явленіе, что даже студенты духовныхъ академій доходили до сознанія необходимости покончить съ нимъ и сами кустарно рѣшали уже давно, въ лучшихъ своихъ представителяхъ, вопросъ о достойной подготовкѣ изъ себя специалистовъ или приемами самоучекъ, яркій примѣръ котораго давно далъ покойный профессоръ Петроградской Духовной Академіи — Болотовъ, или обходнымъ путемъ перехода, напр., изъ Московской Духовной Академіи на факультетъ Восточныхъ языковъ въ Петроградѣ, что приходилось наблюдать послѣдніе годы.

[Нынѣ еще болѣе надобности въ усиленіи очаговъ востоковѣднія и съ этой стороны; эта надобность настоятельна при возникающей перспективѣ новой уже университетской организациі на философско-религіозномъ факультетѣ научнаго изученія религій, прежде всего въ Россіи естественно религія русскаго народа съ углубленіемъ во все ея внутреннія разновидности и при широкомъ, когда это станетъ возможнымъ, горизонтѣ въ новыхъ условіяхъ свободной непредубѣжденной трактовки всѣхъ сложныхъ отношеній этой религіи къ религіямъ другихъ народовъ²].

Что же касается предлагаемаго устроенія въ Москвѣ полной востоковѣдной школы по восточнымъ языкамъ Передней Азіи — въ Лазаревскомъ Институтѣ и университетѣ, можно колебаться развѣ въ томъ, какое мѣсто предпочесть для помѣщенія еще двухъ кафедръ — иранской филологіи и византиновѣднія? Иранская филологія

¹ О необходимости созданія этого новаго типа на Кавказѣ см. ниже, стр. 1496: Н. Марръ, *О Кавказскомъ университетѣ въ Тифлисѣ* (Прилож. къ прот. ИФ IX).

² Только незнакомство съ существомъ дѣла или недосугъ вникнуть въ него могъ породить мысль объ уничтоженіи единственныхъ въ Россіи очаговъ научнаго изученія важнѣйшей культурно-исторической восточной религіи вмѣсто того, чтобы въ корнѣ улучшить его, построить его на новыхъ началахъ.

не может не найти своего естественнаго мѣста въ Лазаревскомъ Институтѣ, такъ какъ громадное большинство иранскихъ языковъ неразрывно связано съ его задачами, и лишь по традиціи, точнѣе по инертности читается на немъ одинъ новоперсидскій или, наперекоръ природѣ вещей, не введены до сихъ поръ по крайней мѣрѣ еще четыре другихъ иранскихъ языка, именно съ одной стороны мертвые авестійскій и пехлевійскій, существенно важные для теоретическаго научнаго изученія обоихъ языковъ Арменій, хайскаго (гайканскаго) и армянскаго, съ другой живые языки — осетинскій и курдскій, какъ сограждане армянскаго языка въ родномъ его краѣ, независимо отъ присущаго имъ также теоретически-научнаго значенія. Больше основанія для колебанія въ выборѣ мѣста, когда рѣчь о кафедрѣ византиновѣднѣя: предпочесть ли высшую школу Лазаревскаго Института, съ востокоевднѣными областями котораго — христіанскими древней и новой сирійской, армянской, грузинской, арабской и даже мусульманской — и арабскій и византийскій мѣръ имѣютъ неразрывныя узы сродства, или университетъ, историко-филологическій факультетъ котораго въ Россіи безъ самостоятельной поставленной кафедры византиновѣднѣя является однимъ изъ давнишнихъ недоумѣнныхъ вопросовъ по русскому просвѣщенію.

Въ общемъ итогѣ при осуществленіи предлагаемой реформы въ Лазаревскомъ Институтѣ и Московскомъ университетѣ, находящихся другъ отъ друга въ 20 минутахъ ходьбы, получится по совокупности полнота преподаванія по наиболѣе разработаннымъ и потому образовательно важнѣйшимъ живымъ и мертвымъ языкамъ обширнаго культурнаго міра Востока — Индіи, Передней Азіи и Африки — съ практическимъ отдѣленіемъ по живымъ изъ нихъ въ Лазаревскомъ Институтѣ. Рѣчь и въ практической части, понятно, не о драгоманской школѣ, а о высшей школѣ, имѣющей дать вполне образованныхъ или ученыхъ практиковъ-спеціалистовъ. И что для жизни не менѣе существенно важно, получится полнота изучаемыхъ культуръ челоувѣчества, и античной, и средневѣковой, и возрожденія, и новой.

Для этого въ самомъ Институтѣ едва ли придется прибавить болѣе двухъ кафедръ. Новшествомъ въ немъ можетъ явиться лишь переходъ на четырехлѣтній курсъ для тѣхъ, которые будутъ поступать въ Институтъ со стороны безъ всякой подготовки, даже элементарной, по востокоевднѣнымъ предметамъ.

Столь же естественно, что учено-учебная жизнь высшей востокоевднѣной школы Института должна быть гарантирована и цѣлесообразно проведенной въ жизнь автономію.

За время жизни Института были періоды дѣленія Правленія Института на двѣ части — хозяйственную съ распорядительной («командирь», «инспекторъ») и учебную («директоръ»), при чемъ учебной частью завѣдывали профессора, часто Московскаго университета, но не было раздѣленія управленія учебной частью по средней и высшей школѣ. Теперь придется это сдѣлать.

Но всё-таки и въ этой части нѣтъ надобности закрѣплять тотъ порядокъ взаимнаго отчужденія, который нынѣ, по свидѣтельству проф. А. Е. Крымскаго, существуетъ между преподавательскими коллегіями гимназій и Спеціальныхъ Классовъ.

И этого не будет, если и въ средней школѣ нѣкоторые востоковѣдныя предметы будутъ рационально поставлены. Надо, конечно, программу разработать такъ, чтобы объектомъ усиленнаго изученія являлись не столько языки, сколько исторія восточной культуры, способная представить собой не менѣе общеобразовательный предметъ, чѣмъ исторія среднихъ вѣковъ Европы.

Преподаваніе востоковѣдныхъ предметовъ было въ Лазаревской гимназіи и раньше, но оно сводилось къ обученію множеству языковъ въ ущербъ общему образованію. Въ гимназическихъ классахъ, числомъ тогда всего шести, преподавались по уставу 1848 г. четыре, собственно пять восточныхъ языковъ: арабскій, персидскій, турецкій (османскій), грузинскій, армянскій и татарскій (адербейджанскій турецкій); изъ нихъ арабскій, персидскій и турецкій (османскій) были обязательны для всѣхъ вообще воспитанниковъ, а одинъ изъ трехъ языковъ—грузинскій, армянскій или татарскій (адербейджанскій) для кавказскихъ и закавказскихъ уроженцевъ. Конечно, намѣчаемая нами реформа ничего общаго съ такимъ искаженіемъ гимназическаго преподаванія не имѣетъ, какъ не имѣетъ въ виду и сокращенія по существу его программы.

Но все это техническая сторона вопроса. Техническая сторона также важна по существу, но обстоятельный планъ и детали живой организаціи самого преподаванія легко разработать заинтересованнымъ авторитетнымъ сторонамъ, если онѣ оправдаютъ свою заинтересованность творческимъ дѣломъ, присоединившись къ принципиальнымъ положеніямъ настоящей моей записки и признавъ необходимымъ сохраненіе Специальныхъ Классовъ Восточныхъ языковъ при Лазаревскомъ Институтѣ въ видѣ преобразованной на новыхъ началахъ высшей школы или факультета восточныхъ языковъ, т. е. какъ языковъ и культуры современнаго Кавказа, такъ и неразрывно связанныхъ съ ними культуръ и языковъ живого Переднеазиатскаго Востока.

Принципiальные положенія моей записки сводятся къ слѣдующимъ шести пунктамъ:

1) Специальные Классы Восточныхъ языковъ Лазаревскаго Института преобразовать въ высшую школу съ четырехгодичнымъ курсомъ теоретическаго и практическаго изученія какъ языковъ Арменіи, и живого и мертваго, съ культурными языками христіанскаго и мусульманскаго Востока — сирійскимъ, арабскимъ, грузинскимъ, персидскимъ съ другими иранскими (авестійскимъ, пехлевійскимъ, курдскимъ, осетинскимъ и др.) и турецкими (османскимъ, адербейджанскимъ), такъ и исторіи и культуры соответственныхъ странъ.

2) Создать въ Москвѣ высшую школу теоретическаго востоковѣднія по Древнему Востоку учрежденіемъ на историко-филологическомъ факультетѣ университета кафедръ ассирійскаго языка съ семитической филологіею, египтологіи и индійской филологіи.

3) Въ высшей школѣ Лазаревскаго Института восточныхъ языковъ или на историко-филологическомъ факультетѣ Московскаго университета (и легче и правильнѣе будетъ въ Московскомъ университетѣ) учредить кафедру византиновѣднія.

4) Въ отношеніи востоковѣднія дѣлесообразно наладить дѣятельность высшей

школы Института восточных языков и историко-филологического факультета Московского университета в одну цельную учено-учебную жизнь, насколько она в своей цельности будет посвящена теоретическому востоковедению по Древнему Востоку, Иранскому миру, Христианскому Востоку и Мусульманскому Востоку, т. е. по Передней Азии всех эпох.

5) Сохранить в высшей востоковедной школе Лазаревского Института в обновленном виде практическую часть, преобразовав ее в отделение ученых практиков-специалистов по различным отраслям жизни Переднеазиатского Восточного мира, при чем, смотря по избранному уклону прикладного или практического значения востоковедения, дать и практикам цельность высшего образования предоставлением им возможности проходить нужные им, каждому по его специальности, предметы в другом высшем учебном заведении Москвы, напр., юридические в университете, а в случае невозможности практически сделать это по всем специальностям, организацией соответственных теоретических курсов с практическими по ним занятиями в самом Институте.

6) Укрепить расшатанную связь с высшей школой Лазаревского Института его гимназии усилением в ее программе общеобразовательных востоковедных предметов без ущерба для задач среднеучебного заведения, разумеется лишь в тех пределах, чтобы окончившие гимназию Лазаревского Института, являясь гуманитарно просвещенными и по восточной культуре, в то же время имели во всяком случае элементарную подготовку по излюбленным восточным языкам и, буде пожелае, могли поступить на 2-й курс высшей школы Лазаревского Института Восточных языков. Такое преимущество особенно легко будет предоставить без ущерба для дела в том случае, если у поступающего окажется желание пройти практическое отделение этой высшей школы.